

В. К. ЖУРАВЛЕВ, А. Г. АВКСЕНТЬЕВА

К ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ИНТОНАЦИЙ

Сложная проблема балто-славянских интонационных противопоставлений имеет две стороны: общетеоретическую (функции интонации, ее фонологическая значимость) и генетическую (происхождение и исторические судьбы интонации в балто-славянском ареале).

Теоретически просодическая система любого языка может представлять одну из следующих комбинаций тона, акцента и количества¹:

	Количество	Акцент	Тон
1.	+	+	+
2.	+	+	-
3.	+	-	-
4.	-	-	-
5.	-	-	+
6.	-	+	+
7.	+	-	+
8.	-	+	-

¹ Ср. П. Ивић, Број прозодијских могућности у речи как карактеристика фонолошких система словенских језика, Београд, 1963, 78.

Случай 5 (каждый слог имеет свой тон) в индоевропейских языках не отмечен. Случай 6 (политония выступает независимо от количества) также не является показательным для индоевропейского ареала². Следовательно, так называемая интонация возникает в индоевропейских языках при наличии количественных характеристик (случай 7) или при наличии количества и силы (случай 1). Обязательная материальная база для интонации — долгие слогиносители³. Это и позволило Дж. Л. Трейджеру сводить интонационные различия к количественным. Э. Станкевич, основываясь на бинаризме Р. Якобсона, предложил следующую иерархию просодических элементов⁴:

Количество	+		-	
Ударенность	+	-	+	-
Тон	+	-		

Судя по этой таблице, движение тона различается только в ударных долгих слогах. На такой точке зрения стоят пражские фонологи⁵. Однако фактическая фонетическая картина в балтийских языках оказывается более сложной вследствие так называемой конфигурационной интонации в безударных слогах. То же можно сказать о реконструируемых прабалтийском и праславянском языках. Природа и роль конфигурационной интонации — твердый орешек фонологии. Но прежде чем дать фонологическое толкование балтославянских интонаций, необходимо рассмотреть проблему генезиса интонационных противопоставлений.

Три гипотезы пытаются объяснить происхождение балтийских и славянских интонаций. Гипотеза, восходящая к Ф. Ф. Фортунатову и Ф. де Сос-

² Ср. P. Ivić, *The Functional Field of Prosodic Features in the Patterns of Serbokroatian Dialects*, — *Word* XVII 3 (1961) и указанную выше работу.

³ Известно, например, что в латинском языке политоническое (музыкальное) ударение сменилось монотоническим (динамическим) одновременно с исчезновением количественных различий.

⁴ Приводится по статье П. Ивича *The Functional Field...*, 297.

⁵ Н. С. Трубецкой, *Основы фонологии*, Москва, 1960, 231—232; Р. О. Якобсон, *Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии*, — *American contributions to the V International congress of slavists*, The Hague, 1963. См. также Е. Курилович, *О некоторых фикциях сравнительного языкознания*, — *ВЯ* 1962 1; его же, *L'accentuation des langues indo-européennes*, Wrocław—Kraków, 1958, 168 и сл., 205—212.

сью, трактует интонации как продолжение индоевропейского количества⁶. Отталкиваясь от гипотезы Ф. де Соссюра, А. Вайан реконструирует интонации в зависимости от рода дифтонгов и долгих монофтонгов. По А. Вайану, акут (подобный датскому толчку) возник в результате падения ларингального внутри слова⁷. На типологическую возможность такого решения указывает Вяч. В. Иванов⁸ (аналогичные факты встречаются в латышском, датском, ливском, вьетнамском, тайтянском языках, в северо-западных жемайтских диалектах литовского языка, в некоторых китайских диалектах). В целом теория А. Вайана не противоречит теории Ф. де Соссюра и может рассматриваться как модификация последней применительно к более древнему периоду⁹.

Также отталкиваясь от работ Ф. де Соссюра, Е. Курилович разработал свою оригинальную теорию, по которой интонации возникли вследствие передвижения акцента со срединного слога на начальный¹⁰. Достоинство теории Е. Куриловича (а также таких представителей морфологического направления, как Х. Станг, В. М. Иллич-Свитыч, В. А. Дыбо) в том, что он рассматривает акцентологические факты в системе, в ряду парадигм. Принцип системности помог по-новому взглянуть на интонацию и в чисто фонологическом плане (Р. О. Якобсон)¹¹. Дальнейшая разработка вопроса будет принадлежать, видимо, морфонологии, которая может учесть законы как фонологической, так и морфологической систем. Во всяком случае, уже сложилось понимание балто-славянских интонаций как результата фонетико-морфологических процессов¹².

В работах, авторы которых придерживаются старой идеи Фортунатова — Соссюра, возникновение интонаций связывается, как правило, с сокращени-

⁶ Ph. Fortunatov, *Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen*, — *AfslPh IV* (1880); F. de Saussure, *À propos de l'accentuation lituanienne*, — *MSL VIII* (1894) также в его, *Recueil des publications scientifiques*, Heidelberg, 1922.

⁷ A. Vaillant, *Le problème des intonations balto-slaves*, — *BSLP XXXVII 2*; его же, *Grammaire comparée des langues slaves, I*, Paris, 1950, 238—246.

⁸ Вяч. В. Иванов, *О прерывистой интонации в латышском языке*, — Сборник статей, посвященный Я. Эндзелину, Рига, 1959.

⁹ Ср. L. Sadnik, *Slavische Akzentuation, I*, Wiesbaden, 1959, 15, 18—20.

¹⁰ J. Kuriłowicz, *L'accentuation...*, 162 и сл. См. также его предыдущие работы: *Le problème des intonations balto-slaves*, — *RS X* (1931); *Intonation et morphologie en slave commun*, — *RS XIV* 1938; *Intonation et morphologie en lituanien*, — *StB VII* (1939).

¹¹ Р. О. Якобсон, *Опыт...*

¹² См., например, E. Nonnenmacher-Pribić, *Die baltoslavischen Akzent- und Intonationsverhältnisse und ihr quantitativer Reflex im Slovakischen*, Wiesbaden, 1961.

ем долгих дифтонгов. Любопытно, что ярче всего смыслоразличительные интонационные противопоставления прослеживаются в дифтонгах на плавный и носовой:

<i>mérkti</i> „зажмуривать глаза“	— <i>meřkti</i> „мочить (лён)“;
<i>ántis</i> „утка“	— <i>añtis</i> „пазуха“;
<i>gìnti</i> „защищать“	— <i>giñti</i> „гнать“;
<i>mìnti</i> „топтать“	— <i>miñti</i> „мнить“;
<i>bálnas</i> „беловатый“	— <i>bařnas</i> „седло“;
<i>káltas</i> „долото“	— <i>kařtas</i> „виноватый“;
<i>várna</i> „ворона“	— <i>vařnas</i> „ворон“.

Может быть, поэтому Х. Станг считает, что долгие дифтонги на плавный и носовой сократились раньше остальных¹³. Причиной сокращения долгих дифтонгов в праславянском могла послужить тенденция к открытости слога (образованию группофонем). В процессе включения долгих дифтонгов в группофонему происходил сдвиг слоговости, долгота первого элемента утрачивалась¹⁴. Так как процесс включения сонантов в группофонемы привел к монофтонгизации дифтонгов, в праславянском, по-видимому, не было интонированных дифтонгов, а только слоговые сонанты. В балтийской ветви перевес приобрела тенденция к генерализации дифтонгов, поэтому слоговых сонантов здесь могло и не быть¹⁵. Так как в праиндоевропейском дифтонги представляли собой двухфонемные сочетания¹⁶, а в балтийской фонологической системе они получали однофонемную значимость, появилась опасность трехступенчатых количественных отношений (сверхдолгие-долгие-краткие), что, по Трубецкому, невозможно¹⁷. Долгие дифтонги, превращаясь в однофонемные единицы, должны были сократиться.

До этого в слогиносителях могла существовать нефонологическая интонация, сопутствующая количеству (вроде того, как нерасчленимы во французском или славянских языках признаки звонкость-напряженность). Для долгих дифтонгов такую сопутствующую интонацию можно предположить

¹³ Chr. S. Stang, *Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*, Oslo, 1966.

¹⁴ В. К. Журавлев, Развитие группового сингармонизма в праславянском языке, Минск, 1963, 29–44.

¹⁵ Ср. T. Milewski, [рец. на кн.] A. Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves*, — RS XVIII 1 (1956).

¹⁶ W. P. Lehmann, *Proto-Indo-European phonology*, Austin, 1952, 11–14; E. H. Sturtevant, *The Indo-Hittite Laryngals*, Baltimore, 1942, 90–91.

¹⁷ Н. С. Трубецкой, *Основы...*, 222.

с большей вероятностью. На кратких дифтонгах такой интонации могло и не быть¹⁸.

После сокращения долгот следует ожидать трансфонологизации признака долготы в какой-либо другой признак (для сохранения полезного противопоставления). Признак долготы может трансфонологизироваться либо в признак подъема (так как между верхними и нижними существует нефонологическая разница в количестве), либо в признак тона (так как количественные противопоставления могут сопровождаться нефонологическими тоновыми)¹⁹. Развитие балто-славянской фонологической системы ошло по второму пути.

После закрепления интонации на балтийских дифтонгах (*ei, eu, er, en, em, ir, ur* и т.д.) и славянских слоговых сонантах (*r, l, m, n, i₂, u₂*²⁰) следует ожидать появления интонации на монофтонгах. Поскольку на кратких интонация невозможна²¹, распространение интонации на монофтонги не может идти за счет трансфонологизации долготы-краткости в интонацию. Здесь ожидается процесс другого рода, а именно процесс фонологизации признака. Фонологизация признака может идти разными путями. Например, путем обобщения одного признака и вытеснения другого. Вероятно, вытеснение оппозиции по долготе и замена количественных отношений качественными в праславянском языке (*ī : i > ī : ь, ē : ě > ě : e, ū : ŷ > y : ъ, ā : ǎ > a : o*) связаны в конечном счете и с этим, хотя здесь действовали и другие причины²². Другой путь — это нерегулярное распространение признака путем нащупывающего выбора. В случае фонологизации интонации на долгих для системы безразлично, в каком случае закрепится акут, а в каком циркумфлекс, важно только, чтобы было противопоставление в одной позиции. В отличие от процесса трансфонологизации здесь нет регулярных соответствий²³. Поэтому встречаем, например, в сербо-хорватском *dīm, dīma*, но *sīn, sīna*. Вот почему иногда отмечают, что предположение Ф. де Соссюра о пе-

¹⁸ Там же, 222, 231.

¹⁹ Подробнее о диахроническом перемещении дифференциальных и интегральных признаков фонемы в свете двухступенчатой теории см. статью В. К. Журавлева „Двухступенчатая теория фонологии и методика моделирования фонологических процессов“, — Исследования по фонологии, Москва, 1966.

²⁰ *i₂, u₂* возникли в результате монофтонгизации дифтонгов.

²¹ Е. Курилович, О некоторых фикциях..., ВЯ 1962 1.

²² В. К. Журавлев, Из истории вокализма в праславянском языке позднего периода, — ВЯ 1963 2.

²³ В. К. Журавлев, О внутренних причинах появления фонетических дублетов, — Этимология 1967, Москва, 1969.

реходе количества в интонацию наталкивается на трудности (разная интонация на прежних долгих)²⁴. Причины появления той или иной интонации на долгих монофтонгах могут лежать в этом случае вне фонологической системы, например, в морфологических отношениях (этим, в частности, можно объяснить успех акцентологов, перенесших центр тяжести акцентологической проблематики в морфологию). Под влиянием морфологических отношений в одном и том же корне возникают чередования акут: циркумфлекс (з^олото-позол^ота, г^ород-огор^од). Естественно, однако, что под влиянием основной закономерности старые долготы получают акут, а циркумфлекс распространится на новые. Действительно, по Ф. де Соссюру, циркумфлекс обнаруживается на:

- 1) заимствованных словах;
- 2) новых литовских словах;
- 3) грамматических новообразованиях.

Также циркумфлекс появляется в результате метатонии, но этот случай требует отдельного рассмотрения.

Постепенное распространение интонации в балто-славянском ареале можно представить следующим образом:

I этап (индоевропейский). В системе имеется лишь количественная оппозиция монофтонгов (\bar{V} : \check{V})²⁶.

II этап (балто-славянский). В праславянском генерализовались слоговые сонанты, в балтийском — дифтонги:

славянский ареал	балтийский ареал
\check{S} противопоставляются \check{S} по признаку интонации, \bar{V} противопоставляются \check{V} по признаку количества	$(\check{V}S)$ противопоставляются $(\check{V}S)$ по признаку интонации, \bar{V} противопоставляются \check{V} по признаку количества

Интонация и количество в этот период находятся в дополнительном распределении.

III этап:

славянский ареал	балтийский ареал
\check{S} противопоставляются \check{S} \check{V} противопоставляются V	$(\check{V}S)$ противопоставляются (VS) V противопоставляются \check{V}

²⁴ T. Lehr-Spławiński, *Studia i szkice wybrane z językoznawstwa słowiańskiego*, Warszawa, 1957, 145.

²⁶ V — гласный, S — слоговой сонант, (VS) — дифтонг.

Краткие монофтонги остаются в дополнительной дистрибуции с циркумфлексными долгими. При этом краткие и циркумфлексные слогоносители были немаркированными, акутовые-маркированными²⁷.

Примеры.

1. ($\bar{V}S$) : ($\check{V}S$) > ($\acute{V}S$) : ($V\check{S}$)

**sēitos* > **séitos* (лит. *sietas*);

**tāuros* > **taūros* (лит. *taūras*).

2. \bar{S} : \check{S} > \acute{S} : S

**g'ŕnom* > *zŕnom* (с.-х. *zŕno*, словинск. *zŕno*);

**skŕb-* > *skŕb-* (с.-х. *skŕb*).

3. \bar{V} > \acute{V}

**būti* > **būti* (лит. *būti*, с.-х. *b"ti*).

Интонация, по-видимому, установилась во всех слогах слова. Об этом свидетельствуют живые балтийские языки и диалекты. В литовской фонологической системе признак долготы, как правило, сопутствует качеству фонем и их интонации, поэтому во многих случаях его можно считать интегральным. Тогда праславянский язык определенного периода типологически сопоставим со слоговыми тоновыми языками, где каждый слог имеет свой тон. Пережитки подобного состояния, возможно, и представлены в современных балтийских интонациях безударных слогов (5-6 интонаций)²⁸. Правда, фонологи, рассматривающие интонацию как вид ударения²⁹, указывают на бессмысленность такого представления, как ударность безударных слогов. Однако для литовского (тем более латышского) интонация не является бесспорно ударением, так как имеется акцент, не связанный с интонацией, и он-то выполняет кульминативную функцию.

Споры вокруг интонации возникли вследствие неразработанности вопроса о соотношении между просодическими и фонематическими элементами, имеющими одну и ту же физическую субстанцию.

Р. Якобсон и М. Халле уже указывали, что есть просодические признаки тона, силы, количества и фонематические, не зависящие от первых. Более того, один и тот же элемент может быть: 1) фонемой, 2) признаком фонемы, 3) просодемой (например, *h*). В синтагматике интересующие нас признаки являются кульминаторами (тон и вокальность-вершина слога, придыхание

²⁷ Н. С. Трубецкой, Основы..., 217.

²⁸ И. Казлаускас, Историческая грамматика литовского языка (автореф. докт. дисс.), Вильнюс, 1967, 4.

²⁹ J. Kuriłowicz, Na marginesie ostatniej syntezy akcentuacji słowiańskiej, — RS XX 1 (1958) стр. С. К. Шаумян.

и твердый приступ-начала слова, количественное ударение-вершина слова), в парадигматике - конститутивными признаками фонемы (гласный-согласный, высокий-низкий, придыхательный-непридыхательный, долгий-краткий). Мы говорим именно о конститутивных, а не дифференциальных признаках, так как последние имеют значение лишь для данного синхронного состояния, тогда как в исторической фонологии имеют значение все признаки фонемы³⁰. Действительно, даже если в реконструируемый период слоговые интонации были не дифференциальными, а только конститутивными³¹, все-таки они отразились на судьбе начальных *ar- в славянском (ro- или ra- в зависимости от интонации). Также в литовском конечные гласные имеют различные рефлексы в зависимости от интонации. В слогах, где прежде был акцент, из комбинации силы и тона возникло специфическое музыкально-динамическое ударение, при котором начало слога носителя выделено одним типом ударения, а конец — другим³² — результат наложения акцента на интонационный контур.

Подобное ударение не может, однако, существовать на кратких. Тутто и возникают ретракции ударения с краткого и фонологически равного ему циркумфлексного слога³³ на предшествующий или последующий долгий акутовый (законы Соссюра—Фортунатова, Хирта—Педерсена)³⁴:

лит. *dūmai* латыш. *dūmi*, с.-х. *dīm*, *dīma* — др.-инд. *dhūmāḥ*;

лит. *vūras* — др.-инд. *vīrā*;

рус. дэверь, с.-х. *djèvar* — др.-инд. *dēvár*, греч. *dāēr* (закон Хирта-Педерсена);

рус. межá — др.-инд. *mádhyā*, греч. *mésē*;

рус. волокú, лит. *velkù* — греч. *hélko*;

лит. *ranká*, рус. рукá — лит. *rañka*, рус. рúку (закон Соссюра—Фортунатова).

³⁰ Ср. Н. И. Дукельский, Принципы сегментации речевого потока, Москва—Ленинград, 1962, 127, где вообще отрицается правомерность деления признаков фонемы на дифференциальные и интегральные.

³¹ Поэтому Г. Шевелев считает возможным примирить взгляды младограмматические и новые, фонологические (G. Shevelov, A prehistory of Slavic, Heidelberg, 1964).

³² Н. С. Трубецкой. Основы..., 213.

³³ На передвижение акцента не только с циркумфлексного, но и с краткого слога указывали А. Мейе и Ф. Ф. Фортунатов. Это связано с тем, что в определенный период (см. выше) интонация и количество находились в положении дополнительного распределения и объединялись попарно: акут-долгота, циркумфлекс-краткость.

³⁴ Ср. В. М. Иллич-Свитыч, Именная акцентуация в балтийском и славянском, Москва, 1963, §§ 30—33, 65.

Эта тенденция до сих пор жива в литовском языке и в последнем слоге затрагивает даже долгий. В тех литовских диалектах, где данный процесс прошел до конца, краткие безударны. В тех диалектах, где процесс не закончился, имеются также ударные краткие³⁵.

Таким образом, на основании теории Фортунатова—Соссюра первая метатония оказывается следствием фонологизации интонации. По теории Е. Куриловича, наоборот, зарождение интонаций было следствием передвижения ударения с внутренних слогов на начальный. Первая теория кажется более убедительной, так как в ее свете метатония получает причинноследственное объяснение: она возникла вследствие невозможности фонологической интонации на кратких. Теория Е. Куриловича, наоборот, не дает причинного объяснения передвижению акцента, это передвижение оказывается самопроизвольным и внезапным.

Появление неоакута и неоциркумфлекса также можно объяснить тем, что в период фонологизации интонаций на долгих были возможны обе интонации. Т. Лер—Сплавинский показал, что неоакут связан с переносом ударения с краткого или циркумфлексного слога³⁶, то есть прослеживается как будто общий и, возможно, единовременный процесс. При этом, поскольку ударением фактически становится акут, безударный акут переходил в неоциркумфлекс.

Относительно акустического содержания акута-циркумфлекса³⁷ известно, что литовские интонации находятся в перевернутом отношении к интонациям праславянским, древне-прусским и даже латышским:

$$\frac{\text{акут}}{\text{циркумфлекс}} = \left(\frac{\text{восходящ.}}{\text{нисходящ.}} \right) = \left(\frac{\text{нисходящ.}}{\text{восходящ.}} \right)$$

³⁵ О переносе ударения в праславянском более подробно см. в книге Т. Lehr-Splawinski, *Studia...*, 136—139, 142.

³⁶ Там же, 84, 91, 119—123, 138, 142.

³⁷ Подробно этот вопрос рассматривается в работах: N. S. Trubetzkoy, *De la valeur primitive des intonations du slave commun*, —RES I (1921); A. Leskien, *Untersuchungen über Quantität und Betonung in den slavischen Sprachen*. Berichte der sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, Phil.—hist. Cl. X, Leipzig, 1893; K. H. Meyer, *Slavische und indogermanische Intonation*, Heidelberg, 1920; R. Ekblom, *Zur Physiologie der Akzentuation langer Silben im Slavo-Baltischen*, Leipzig, 1922.

По-видимому, одни и те же закономерности действовали в этих языках уже в период самостоятельного развития.

Так же трансфонологизация акута-циркумфлекса в признак долготы дала перевернутые отношения в чешском и сербо-хорватском, из чего следует, что направление движения тона не обусловлено количеством, не привязано к нему непосредственно.